

Рабочая беднота: социальная маргинальность и сексуальная распущенность

В этой главе на основании автобиографий представителей разных поколений рассматриваются две маргинальные социальные среды. Михаил Иванов (1935 г. р.) описывает опыт инцеста и сексуального блата в 1950-х годах, Алексей Лукашин (1960 г. р.) рассказывает о ленинградской шпане и рок-культуре 1970-х. Эти автобиографии резко отличаются от остального материала и были для меня одними из самых неожиданных. Об их репрезентативности трудно судить, хотя в следующей главе и делаются некоторые обобщения в рамках дискуссии о поколениях, социальных средах и субкультурах. В данной главе на примере этих случаев демонстрируются разнообразие социальных сред в период позднего социализма и существенные различия между ними.¹

«Беспутная жизнь»

Пари, пролетариат, люмпены...

Как известно, в официальной советской идеологии бедность и социальная маргинальность входили в число предметов умолчания. Для образованных советских граждан нелегальные мигранты, нищие и низкооплачиваемые рабочие часто представляли чужого и опасного «другого». В риторике перестройки к ним часто обращались пренебрежительно, как к люмпенам, а широко обсуждаемые тенденции отката России с позиций цивилизованного и образованного общества назывались не иначе как люмпенизацией страны.

Представление неквалифицированного рабочего в образе «другого» опиралось на два дискурсивных механизма: демонизацию и тривиализацию. С одной стороны, работников неквалифицированного физического труда зачастую считали некультурными

¹ Варианты этой главы опубликованы в Роткирх (2003) и Rotkirch (2002).

людьми: невоспитанными, много пьющими, грубыми, аморальными, для семей которых типична многодетность, которые склонны руководствоваться животными инстинктами и вступать в беспорядочные сексуальные связи. В своих автобиографиях многие выходцы из образованных семей «подспудно противопоставляют свое поведение образу жизни, типичному, по их мнению, для простонародья» (Mauney 1995: 148). К примеру, одна женщина (1946 г. р., № 11) пишет о раннем сексуальном просвещении детей в уличной компании и об изобретательной сексуализированной игре в «доктора». Рассказчица перестала играть в такие игры после того, как девочка из «культурной» семьи осудила ее поведение.

С другой стороны, образ жизни простонародья расценивался как слишком обычный, неинтересный и потому недостойный описания. Когда было опубликовано жизнеописание Александры Чистяковой, номинированное в 1998 году на русскую Букеровскую премию, многие российские средства массовой информации поставили под сомнение уместность подобных откровений. Хотя столь развернутые истории о жизни деревенских женщин и женщин-рабочих редко появлялись в российской печати, воспоминания Чистяковой о голоде, борьбе за жизнь, нелегальных абортах, алкоголизме и насилии в семье были восприняты как то, что «всем известно» и «может представлять интерес только для западных феминисток».²

Теоретические трудности обсуждения маргинальных и низших слоев общества связаны прежде всего с представлениями о классовой структуре советского общества. Как в академической среде, так и в массовом сознании сталинская формула «2 + 1» остается по-прежнему влиятельной. Согласно этой формуле, советское общество состояло из двух классов — рабочих и крестьян и социальной прослойки — интеллигенции. Также в качестве четвертой страты выделялась советская элита, или номенклатура. Эти категории представляли собой не столько классы в социально-экономическом смысле, сколько особые формы квази- или протосословий, принадлежность

² О негативной реакции на публикацию жизненной истории Чистяковой в феврале 1998 года мне рассказала Ирина Савкина, ведущая тогда подробный мониторинг российских СМИ. Интересно, что опубликованная в то же время женская автобиография о бедности в детстве, социальной борьбе, нелегальных абортах и жестокости в семье стала бестселлером в Ирландии. Конечно, следует отметить, что автобиография Нуалы О'Фаолайн (O'Faolain 1996) написана более литературно, чем жизненная история Александры Чистяковой.

к которым определялась советским государством (Fitzpatrick 1993; Радаев, Шкаратан 1994: 58). Более того, в советские классовые категории искусственно включались профессионально, политически и экономически различные, а в некоторых случаях даже потенциально конфликтующие социальные группы. Так, Шейла Фитцпатрик отмечает, что категория советской «интеллигенции» представляла собой сплав «старой категории “служащих” с интеллигенцией и коммунистической административной элитой, формирующих единый конгломерат белых воротничков» (Fitzpatrick 1993: 766).

Эта же проблема отличала и любую дискуссию о советских «рабочих», и в особенности о рабочей бедноте. Советские социологи провели ряд развернутых исследований социально-профессиональной структуры советского общества, где критериями выделения социальных групп стали профессиональный статус работников и доступ к власти (см. обзор в Радаев, Шкаратан 1994: 239–255). В большинстве этих исследований рабочая беднота была отнесена к группам неквалифицированных рабочих или рабочих с низкой квалификацией. Однако в действительности под категорией, определяемой как единая профессиональная группа, скрывались разные люди, ведущие различный образ жизни: от полудеревенских сообществ, мигрантов-лимитчиков и бывших заключенных до заводских рабочих во втором или третьем поколении, приближающихся по стилю жизни к среднему классу (см. Рождественская 2002).³

Такая концептуальная расплывчатость в дискуссии относительно «масс» сохраняется и в современной России. В то время как социологи 1990-х активно обсуждали вопросы размеров и критериев выделения нового среднего класса, границам «остальных», ниже стоящих, классов уделялось меньше внимания. Татьяна Заславская (1998) относит более половины населения к так называемому базовому классу, одну десятую часть которого составляет «низший класс» и «социальное дно», т. е. предположительно бездомные, криминальные группы и т. д. Радаев и Шкаратан (1994: 272) при

³ Советская социальная политика определяла несколько уязвимых социальных групп, имеющих право на финансовую помощь и на другие блага, например жилье и специальные скидки в магазинах. Эти категории получающих социальную помощь не были прямо связаны с понятием бедности или работающей бедноты, а включали матерей-одиночек, инвалидов, ветеранов войны, семьи с тремя и более детьми и т. д. безотносительно их социального статуса или уровня доходов (Piiirainen 1997; Liborakina, Rotkirch 1999).

описании этих групп используют термин «парии», в то время как в классификации Тимо Пиирайна (Piirainen 1997) эта категория названа «пролетариатом» и насчитывает до 40 % населения.

Для описания образа жизни экономически и культурно бедных слоев населения я предпочитаю использовать категорию «низшие социальные классы». В обоих случаях, рассмотренных ниже, отсутствует значительная часть важной информации о классовой позиции авторов биографий, например об образовании и профессии их родителей и сексуальных партнеров. Поскольку у меня нет собственного опыта общения с представителями таких социальных сред в России и эти жизнеописания значительно отличаются от остальных автобиографий, собранных в ходе конкурса, то здесь я полагаюсь на единичные тексты в большей степени, чем в других главах.

Эти свидетельства относятся к разряду таких рассказов о жизни, которые Мэри Джо Мэйнс описывает как на первый взгляд бесформенные, подрывающие и оспаривающие привычные категории, с помощью которых описывается общество. Она подчеркивает важность анализа подобных текстов, поскольку они «приоткрывают нам то разнообразие жизни, которое никогда не проявляется в автобиографиях» (Mauney 1995: 150; ср. Долгих 1996).

Таксист Иванов

Автобиография Михаила Иванова (1935 г. р., № 30) представляет собой обширный текст объемом около 80 страниц, набранных через два интервала, и охватывает всю его жизнь. Потеряв в раннем детстве отца, мальчик вырос с матерью и старшей сестрой. Закончив семь классов, он пошел учиться в профессионально-техническое училище. Его сестра поступила в институт, несмотря на советы матери удовлетвориться образованием на уровне техникума. Девушка решительно отвергла этот вариант, тем самым ясно продемонстрировав наличие социальных амбиций. Скоро сестра оставила семью и позже уехала из Ленинграда. Михаил отслужил три года в армии, а по возвращении устроился работать шофером на крупном предприятии. В конце 1950-х он женился на Рите, и в начале 1960-х у них было уже трое детей.

Во второй половине 1960-х Михаил развелся с Ритой и женился на Ксении, усыновив ее ребенка от предыдущего брака. На момент написания автобиографии в 1996 году Михаил жил с Ксенией. Незадолго до конца первого брака он решил сменить место работы

и стал таксистом. Хотя, по всей видимости, Михаил занимался извозом как в советское, так и в постсоветское время, что всегда было довольно прибыльным делом, в своем жизнеописании он сетует на недостаток финансов.

Основное действие рассказа Иванова разворачивается в родительской семье, где он провел детство, и в первом браке. В обоих случаях семьи жили в условиях материальной и культурной бедности, из которой молодой Михаил упорно пытался вырваться. Круг его родственников и друзей составляли швейцары, заводские рабочие, продавщицы магазинов, вокзальные носильщики. Автор не без зависти повествует об одной семье, где жена работала дворником *«ради жилья»*, а муж служил швейцаром в знаменитом ресторане: *«Место это было довольно-таки престижное, я не знаю, кто его туда устроил, но меня это мало интересовало. Жили они материально хорошо. Тетка еще скупала, или, как она говорила, покупала, у пьяниц — то хрусталь, то золото, серебро, а то и все подряд»*. Люди из окружения Михаила представляли низший рабочий класс последних десятилетий советского режима. Практически все они были мигрантами или ленинградцами в первом поколении, принадлежа, таким образом, к культурно маргинализированным слоям. Тем не менее, как мы видели на примере, приведенном выше, совсем не обязательно знакомые и приятели Михаила относились к категории бедных или материально нуждающихся.

Иванов дает насыщенные описания различных ситуаций повседневной жизни, рассказывая, например, о постоянном пьянстве (с гордостью отмечая, что сам он не пил много накануне выезда на работу: *«Если мне на другой день предстояло работать, я всегда был в норме и почти всегда трезвый»*). Он также описывает свою профессиональную карьеру, но представляет ее главным образом через сексуальные отношения на работе. Сексуальные связи, в свою очередь, выступают лейтмотивом другой доминирующей темы его автобиографии — темы бесконтрольности поведения, приравненной к бесконтрольной сексуальности, противопоставленной его собственным устремлениям к лучшим условиям «нормальной» семейной жизни.

Проблемы достоверности

По рассказу Иванова, всю жизнь его соблазняли, использовали и практически насильовали члены семьи, соседки по дому, подруги жены и женщины-коллеги по работе. Начиная с 17 лет у Михаила

было несколько сексуальных связей с девушками, но первый половой акт произошел с его собственной матерью. Эти отношения продолжались до его демобилизации из армии и окончательного ухода из дома. Далее, когда Михаил женился в первый раз, это случилось благодаря стараниям деятельной будущей тещи, которая, по его словам, впоследствии неоднократно пыталась его соблазнить и с которой к финалу первого брака он в конце концов находился в сексуальной связи.

Здесь необходимо заметить, что эта автобиография стала единственным предметом разногласий между мной и моими российскими коллегами, занятыми в исследовательском проекте. Трое российских исследователей, прочитавших текст, нашли эту историю исключительно богатой, интересной и достоверной.⁴ Я же, со своей стороны, первоначально усомнилась в достоверности описываемых событий. Однако с точки зрения российских читателей, сама жизнь социальной среды, выписанные характеры, география улиц и отношения на работе были представлены чрезвычайно убедительно. В конце концов мы сошлись на том, что следует наградить автора этого жизнеописания одним из специальных призов жюри. Еще раз перечитав текст и обсудив его с коллегами, я свела свои возражения к трем пунктам, касающимся в особенности отображения женской сексуальности.

Во-первых, эта автобиография содержит необычно большое количество диалогов в форме прямого цитирования. Это не является ни общим правилом, ни характерным приемом автобиографического письма, поскольку редко кто помнит точные формулировки предложений, высказанных двадцать или тридцать лет назад. К тому же особенно настораживает тот факт, что «говорят» в автобиографии Иванова в основном женщины, и все они изображаются как сексуально несдержанные особы, находящиеся в вечном поиске сексуальных связей (только его вторая жена, Ксения, которой приписывается равнодушное отношение к сексу на позднем этапе брака, не подпадает под общую картину). Кроме того, диалоги написаны на языке порнографических рассказов, как, например, в приведенном ниже фрагменте разговора матери с подростком Михаилом:

⁴ Кроме Александра Клецина и Елизаветы Лагуновой, организовавших конкурс в Петербурге, эту автобиографию читала и комментировала Анна Тёмкина. Я глубоко признательна всем трем социологам за ценные замечания.

«Подожди, сынок, скоро и ты будешь делать это с девчонками, вон какой ты уже большой, тебе уже 14 скоро, и у тебя уже большая шишка и волосики появились там, где положено быть, — ох, и достанется же девкам, что и я им позавидую...»

Во-вторых, некоторые сексуальные события повторяются подозрительно часто. Одна из таких повторяющихся тем — инцест между матерью и сыном (или матерью и дочерью).⁵ В автобиографии цитируются слова лучшего друга Михаила: *«Я, — говорит, — свою мать трахаю, и она очень довольна, да и сестру тоже не забываю, хоть она и младше меня на много лет»*. Позже одна его подруга по работе рассказала, как она *«научила сына делать детей»*, и Михаил *«понял, что не один я стал настоящим мужиком на матери»*. В другой ключевой сцене Михаил наблюдает, как женщина, которую он любит и в отношении которой он испытывает сексуальное влечение, занимается любовью с другим мужчиной. Такие сцены вуаяризма происходят с его матерью, школьной учительницей, его первой подругой Галей и первой женой Раей. Психологически эти повторения объяснимы, но как историческое или социологическое свидетельство их воспринимать трудно.

В-третьих, женская сексуальность отображена в соответствии с психологическими стереотипами, бытующими в порнографической литературе. Вдобавок к постоянным описаниям сексуального влечения своих партнерш — объяснениям, чего и как именно они хотят, — и комментированию деталей полового акта Михаил утверждает, что все женщины, с которыми он вступает в половую связь, регулярно испытывают множественные оргазмы, во время которых *«выливают влагу»*. Такие формулировки могут быть интерпретированы как явное преувеличение или как пристрастие к определенному сексуальному словарю. Подобное поведение не находит подтверждения в эмпирических исследованиях женской сексуальности (см. Hite, 1978).

По каждой из трех позиций авторский способ описания событий представляется в большей или меньшей степени фантазмагориче-

⁵ Ситуация Иванова очень похожа на описанные Брендой Лав (Love 1992: 142) обстоятельства инцеста между матерью и сыном: мальчик-подросток спит в кровати матери, тогда как мать только что развелась с мужем, или овдовела, или не получает со стороны мужа достаточного внимания. Лав утверждает, что случаи действительного полового акта между матерью и сыном чрезвычайно редки.

ским. Даже если все эти события и имели место в действительности, что не является невозможным, они были пересказаны в соответствии с неким (подсознательно) копируемым образцом на особом порнографическом жаргоне, который делает любые обобщения относительно советских сексуальных практик проблематичными.

Я решила соотнести изображенные автором социальные взаимодействия с их контекстом (относящимся к области повседневности), предполагая, что большинство повседневных практик представлено в автобиографии Михаила адекватно. Так, например, я выделила описания приемов контрацепции и домашних аборт. Они не следуют порнографической риторике и создают впечатление достоверных свидетельств. Однако я избегала цитирования и не ссылалась на выдержки из предположительных диалогов и рассуждений женщин из окружения Иванова о сексе, их сексуальном влечении и соответствующих техниках. Я не исключаю возможности, что в некоторых социальных кругах советские женщины действительно вели себя подобным образом, но это, на мой взгляд, маловероятно. В любом случае, мне кажется, что не стоит торопиться с выводами до тех пор, пока у нас не появятся дополнительные свидетельства со стороны самих женщин. Только одна повторяющаяся тема из разговоров Михаила с женщинами о сексе, тема грудного молока, будет обсуждаться ниже в связи с его взглядами на маскулинность.

Падшие женщины и социальное восхождение

Траектория социальной мобильности Иванова включает переселение из пригорода в центр Ленинграда, осуществленное посредством удачных квартирных обменов, и постепенное улучшение жилищных условий. Открывает автобиографию описание плачевного материального положения семьи в послевоенные годы.

«Как жилось — лучше не вспоминать: как все. <...> Нас поселили в небольшой одноэтажный дом... Домик разделили на две половины, оборудовав два входа, и мы получили такую комнату, но уже меньших размеров, и кухню, да еще два чулана, мебели у нас особо не было — стол, стулья, две табуретки и две кровати односпальные, но они редко нам служили. В комнате были сколочены большие широкие нары, где мы и спали втроем под одним большим одеялом, так было теплее. Дров на зиму не хватало, топили кое-как, сожгли, наверное, все, что можно было сжечь».

Женился Михаил на девушке Рае из такой же бедной семьи. Молодые супруги поселились в деревянном доме без удобств, в котором жила мать жены. Рая и ее мать работали на заводе. Скоро комиссия нашла их жилищные условия неудовлетворительными, и молодая семья получила комнату в 10 кв. м в одном из новых домов, построенных заводом. *«Вот теперь настала благодать»*, — пишет Михаил: у них был туалет в самом доме, хотя отопление по-прежнему было печное. Михаил с Раей и детьми переехали в новую комнату, но оставались с матерью Раи в географической и социальной близости. По описаниям Иванова, теща была бесспорной главой семьи, центральной и поддерживающей силой особенно в начале семейной жизни. Все члены семьи отдавали ей свою зарплату. Когда оказалось, что сарай для дров слишком мал, именно она достала прицеп старых досок, чтобы построить новый. Она обеспечивала все семейство дровами, а молодую пару — презервативами; и когда, вскоре после свадьбы, ее дочь в первый раз забеременела, она научила ее, как вызвать выкидыш.

После переезда материальное положение семьи стало поправляться. Михаил не давил на свою, по его словам, ленивую жену, чтобы она вернулась на работу, *«денег хватало пока что»*. Несколькими годами спустя семья получила квартиру в центре Ленинграда. Там было все: две комнаты и кухня, центральное отопление, горячая вода, ванная и отдельный туалет. *«Боже, какое чудо — не надо заготавливать дрова, носить воду и выносить грязную воду»*. Теща Михаила с другой взрослой дочерью тоже получила двухкомнатную квартиру.

После развода с первой женой Михаил оставил квартиру ей и детям и переехал вместе со второй женой, ее ребенком и матерью в трехкомнатную квартиру, также в центре города. Мы ничего не знаем о профессии его второй жены, но очевидно, что второй брак стабилизировал и укрепил его возросший социальный статус. Именно с Ксенией Михаил окончательно избавился от материальной нужды и морального позора, которые он связывает с жизнью в материнском доме и с первым браком.

История избавления Михаила от материальной бедности излагается параллельно с описаниями бегства от моральной стигмы и сексуальной распущенности, воплощенных в фигурах матери Михаила и его первой жены.

В конце 1940-х мать Михаила устроилась работать в военную часть, расположившуюся близко от дома. Их соседка работала там

же, и обе женщины принимали солдат, которые «приносили продукты» и были их любовниками.

В 14 лет Михаил первый раз напился. С того момента отношения сына и матери приобрели открыто сексуальный характер, включая поцелуи, петтинг и ее избыточные деталями советы, как правильно обращаться с девушками. Мальчик неоднозначно оценивал сложившуюся жизненную ситуацию. С одной стороны, он рассказывает нам о том, как доверял матери и восхищался ею. Вот так, например, он описывает собственные чувства после одной из их первых сексуальных встреч: *«Утром все было хорошо. После этого я долго не брал в рот вино и с нежностью стал относиться к своей маме — все-таки какая она у меня умная и хорошая»*. Их первое половое сношение, произошедшее когда Михаилу было 17, тоже описывается как в общем счастливое событие.

«И мама встала, сняла сорочку, ввела в себя таблетку и голая легла в кровать. Я прильнул к ее грудям и стал сосать соски, сжимая титки, мама млела. <...> Она была довольна мною, и я был на высоте. Вот так я в первый раз был мужем у своей матери, и это не последний случай. <...> Наутро я проснулся в хорошем настроении. После завтрака разошлись по своим делам. Об этом случае я никому и никогда не рассказывал, и вот впервые много лет спустя я описываю эту историю».

Но как до, так и после первого полового акта Михаил описывает, как ему «не хотелось» и как «противно» было ему спать в одной кровати с матерью и даже подходить к ней. Результатом этого стали частые депрессии и отчаяние: *«Мне так было тяжело и противно, я начал злиться на всех. Мне трудно описать все мои переживания»*. С 17 лет Михаил начал отдаляться от матери. Он замечает, что с возрастом *«может, и ума прибавилось»*. Учеба стала выходом, возможностью уйти от этих интимных отношений и того пьянства, куда затягивала его мать.

«Я стал по-другому относиться к сексуальной жизни, да и к жизни вообще, меня стали раздражать навязчивые девицы, мужики, проходящие к нам в дом. Все они, как правило, приносили с собой водку. Мама выпивала вместе с ними, они предлагали и мне выпивку. Несколько раз я напивался. Но, проснувшись, я видел в доме бардак. Мать опускалась морально, и мне уже не хотелось с ней разговаривать, не только ложиться с ней в постель. Но когда рядом с ней было мужчины, она просила меня лечь с ней опять, она говорила,

что не может без мужчины, она все время хочет, и плакала. Мне было жалко ее, и от выпивки меня тошнило, особенно на другой день утром. Я боялся похмельки, ведь мне надо учиться, работать, и стал убежать, чтобы не участвовать в выпивке. Я с головой окунулся в учебу».

Закончив училище, Михаил начал работать на заводе. В новой среде, с новыми знакомствами продолжался процесс переосмысления собственной семьи и нравственных норм. Оставаться дома было все труднее, и молодой человек ждал армии как шанса для побега.

«На заводе был прекрасный спортивный коллектив, своя спортивная база, где летом и зимой можно было заниматься спортом и при случае остаться ночевать. Я понял, наблюдая за такими семьями, что у нас с мамой совсем ненормальные отношения, она мне и мать и не мать, а просто женщина, самка и выпивоха, и это стало меня угнетать. Теперь я стал ждать того дня, когда пойду служить в армию, все другое ушло на второй план».

Еще до призыва Михаил получил водительские права. Его призвали на три года в начале 1950-х. Он был доволен своими успехами и вспоминает, что армия захватила его полностью; *«самое главное — не было женщин»*. Кроме того, ему удалось реализовать свои социальные амбиции: он поступил в школу сержантов и пользовался всеобщим уважением. *«Я оказался один с семилетним образованием и считался ленинградцем»*.⁶

Но на втором году службы к нему нагрянула мать. *«И вот мать, как снег на голову среди лета»*. С ее приездом «женщины» и сексуальность вторглись в его армейскую жизнь, в буквальном смысле подведя под ней черту. Иванов описывает, как еще по дороге в гостиницу, где мать и сын намеревались вместе провести его увольнение, она успела переспать с двумя его командирами, объяснив, что поступила так потому, что это было в его интересах. И действительно, спустя всего два месяца после визита матери Михаил был досрочно демобилизован, что случилось, по его мнению, именно благодаря ее контактам. Однако после этого их сексуальные отношения прекратились.

⁶ Иванов жил в пригороде Ленинграда и был, вероятно, мигрантом второго или даже первого поколения — нам ничего не рассказывается о месте рождения его родителей, и мы также не знаем, где родились Михаил с сестрой.

«Мать... теперь уже с отчимом, мужик он вроде неплохой, но это дело ее, мне с ними не жить, и маме я сказал, чтобы она оставила меня в покое, не знаю, огорчил я ее или нет, но я обрезал сразу, заявив: все, хватит, она как женщина меня больше не интересует. <...>

На мать, свою мать, мне стало противно смотреть. Она стала много пить, курить и вести бледовитый образ жизни. После того как я демобилизовался, она вскоре родила, но ребенок умер в роддоме. Почему — не знаю, да я и не интересовался, у меня своя жизнь, у нее — своя».

В автобиографии рассказывается, как к концу 1950-х мать Иванова все больше погружалась в проституцию и алкоголизм: *«Я видел, как опускается моя мать, она все больше и больше ударялась в пьянку, в доме она устроила бардак, к ней приходили разные мужики, она уже не скрывала, что к ней приходят, приносят выпить, а она расплачивается своим телом».* Михаил осознавал, что должен навести порядок в своей жизни. Он начал работать, и вскоре на одной из танцплощадок в пригороде встретил Рая, свою будущую жену, и увлекся ею. В период ухаживания она казалась ему приятной и порядочной женщиной. Кроме Раи в семье было еще трое детей, двое братьев и младшая сестра, которые *«все родились от разных отцов. Это я узнал немного позже, а пока я об этом не думал, да и не знал».* В то время Рая не пила водку, в отличие от ее матери, любившей выпить. Та сердилась, когда Рая отказывалась от алкоголя, и говорила, что совершенно нормально немного выпить за обедом. *«И это меня сгубило, — пишет Иванов, — но выяснилось это довольно-таки много времени спустя».*

Свидания влюбленных происходили по всем канонам советского романтического ухаживания. Долгое время Рая не разрешала Михаилу целовать себя.

«Но я не настаивал. Но в конце концов она сама меня поцеловала, я ей подарил цветы, и потом стали целоваться все время, но дальше этого дело не шло. Рая была девственной, и все мои попытки привлечь ее к себе и потрогать или пощупать руками успеха не имели, а на скандал нарываться не хотел».

Потом начались ссоры, но Михаил был по-прежнему увлечен: *«Мы стали с Раей скандалить по делу и без дела, но меня все равно тянуло к ней».*

Во время этого «невинного» ухаживания Михаил занимался сексом с подругой Раи. Морализируя впоследствии о поведении

своей матери и первой жены, он описывает собственные добрачные сексуальные похождения в нейтральном и безоценочном тоне. Подруга Раи рассказала ему, что в действительности Рая была куда более опытной в таких делах, чем хотела казаться, но Михаил отказался верить этим сплетням. Кроме этого, он ходил к знакомой своей матери, которая работала в общежитии и поставляла ему девушек. *«Девушка знала, зачем ее привели сюда, и без слов и прелюдий или обнажалась, или просто снимала с себя трусики»*. Нам не разъясняется, платил этим девушкам Михаил или нет. Упоминается лишь, что женщина, организующая эти встречи, рассчитывала на его сексуальные услуги, в чем ей было отказано. Возможно, в тех сексуальных встречах, которые она устраивала для Иванова, и был какой-нибудь материальный интерес.

Если первоначально Рая произвела на Михаила благоприятное впечатление, то ее мать с самого начала воспринималась им как интриганка и движущая сила домашней жизни. Иванов признавал ее способности устраивать дела, но одновременно с этим его отталкивали ее сексуальные аппетиты и настойчивое желание заполучить его в качестве зятя; он даже обвиняет ее в колдовстве с целью приворожить его. В один из вечеров во время ухаживания она напоила Михаила и Раю и уложила их спать вместе. По словам Иванова, таким образом Раина мать подвела его к тому, чтобы он лишил ее дочь девственности, после чего был бы обязан на ней жениться. В другой раз он обнаружил, что погреб Раино дома ломится от вина, водки и спирта. Мать Раи объяснила, что это подготовка к свадьбе. *«Я еще думать не думал о женитьбе, а меня уже женили»*.

Итак, в конце 1950-х Михаил женится на Рае и переезжает в дом жены и ее семьи. Проблемы обострились после рождения второго ребенка, когда Рая, следуя материнскому примеру, стала курить, пить и без стеснения рассказывать о своих любовных связях на стороне.

«Она знала, что я не люблю, когда женщины курят и пьют вино, но позднее [ее подруга] научила курить и Раю, и они стали на пару курить и выпивать, и это было начало конца нашей семейной жизни (забегая вперед, говорю и пишу)».

Михаил чувствовал себя в западне:

«Я открыто обвинял тещу. Я ничего не мог с собой поделать. Я не мог бросить детей, разрушить семью, и я терпел до поры до времени,

я говорил: “Это ты меня женила на дочке, зачем ты меня привораживала к ней, зачем?” И ей нечего было мне ответить. <...> И я все чаще стал подозревать в измене мне. <...> Мне все осточертело: работа, семья, но семью надо сохранить ради детей. Работу можно сменить. И, тяготясь работой... взял расчет и перешел работать в такси».

И опять мы видим, как перемены в общественной жизни позволили Михаилу взять контроль над собственной жизнью. Ранее это было связано с учебой и службой в армии, теперь — с переходом на новую работу. Однако в личной жизни напряжение продолжало нарастать. Пиком стало известие о том, что Рая ждет ребенка. У Михаила возникли серьезные сомнения по поводу своего отцовства.

«Я, да и теща, ничего не знали об этой беременности. Узнали, когда живот был заметно большой. Все происходило молча, опять же никто не знал, что он сделает. Мы стали ждать третьего ребенка, и от кого, я не знал. Теща говорит: “Вот, мол, наебал ей ребенка, и не знаешь, ты ли”. Я говорю: “Вот родит — увидим”».

Для легального аборта уже было слишком поздно, все обычные ухищрения Раи «избавиться самой» на этот раз тоже не помогли. Ребенок родился мертвым и, по всей видимости, с какой-то патологией — Михаил так никогда и не узнал деталей. После серьезного разговора с Михаилом врач не стала поднимать шум по поводу вреда, причиненного нерожденному младенцу.

«...Родила она его уродом, и ее обвинили в криминальном аборте. Об этом мне сказал врач, когда при выписке пригласил меня на собеседование. Врач — женщина, долго меня расспрашивала про нашу жизнь, про наши отношения. Она поверила, что я ничего не знал, и я сказал ей, что не был против еще одного ребенка — ведь есть же многодетные семьи и материально мы жили неплохо. И тогда врач не стала возбуждать уголовное дело, она так и сказала, хоть и криминал был налицо. Видимо, и Рая созналась в этом».

Когда Рая лежала в больнице, оправляясь после трагических родов, Михаила соблазнила теща, и он снова начал вовлекаться в многочисленные сексуальные связи.

Через несколько лет после этой истории первый брак Михаила распался. Вскоре он женится во второй раз. В новой семье ему удается окончательно вырваться из сетей «беспутной жизни» — это выражение используется им самим при объяснении причин преждевременной смерти матери. Итак, в тридцатилетнем возрасте,

осев в центре Ленинграда, утвердившись в профессиональной сфере и обретя наконец семью с «нормальными» отношениями, Иванов определяет себя в качестве полноценного представителя советского среднего класса.

Сексуальный блат и проституция

Автобиография Иванова полнится описаниями и упоминаниями о сексуальности как средстве обмена. Проявляется это в двух формах: в сексуальном блате и проституции. Будучи типичным советским феноменом, отношения блата представляют собой промежуточную форму между отношениями дарения и обмена, коррупцией и дружбой (Ledeneva 1998). Проституция в данном случае означает более организованный обмен сексуальными услугами за деньги в системе, включающей сутенеров, определенные пространства, контактные лица и т. д. Конечно, во многих случаях граница между сексуальным блатом и проституцией оказывается размытой.

На уровне горизонтальных связей отношения блата эффективно действовали в дружеских кругах, по вертикали блат реализовывался в связях между разными социальными классами или различными ступенями социальной иерархии, в особенности служебной. Так, например, Иванов описывает отношения блата в мире таксистов: *«Я никогда не подозревал, что в такси все решают деньги, всем надо давать и за все платить деньгами. Получается, что ты от всех зависишь. Особенно от диспетчеров и особенно от центральной службы»*. Здесь слово «деньги» не означает открытое взяточничество. Это становится ясно при чтении эпизода о том, как Михаил после окончания рабочего дня идет в диспетчерскую, чтобы поблагодарить одну из женщин-диспетчеров, которой он был обязан выгодными заказами в течение всего дня. *«Я решил отблагодарить свою телефонистку, купил торт, коробку конфет и приехал на канал Грибоедова, где была эта служба, и меня чуть не подняли на смех. Потом я выяснил, что надо было брать выпить что-нибудь и сигареты, хотя бы болгарские»*.

Иванов, видимо, сам не был клиентом проституток и описывает проституцию на основании косвенного знания.⁷ Например,

⁷ Существование подпольных публичных домов — великолепный пример того, как различалось сексуальное знание в зависимости от класса и места. Мальчик из бедной среды пригорода, где сексуальная беспорядоч-

он рассказывает о пожилой женщине, живущей с ним в доме по соседству, куда они въехали в 1960-е годы. Она имела отношение к судебному разбирательству по поводу подпольного борделя. *«Потом стало известно, что у нас в городе много публичных домов. Особенно плотно я с этим столкнулся, работая в такси. Но это произойдет не скоро, через 10 лет, а пока что закончилась одна часть моей жизни».*

Работая таксистом, Михаил часто встречал женщин, предлагающих себя в качестве оплаты за извоз (от чего, по его словам, он отказывался). Попадались ему и мужчины, рассчитывающие с его помощью «достать женщину и водки».

«Когда я говорил, что я не знаю, где это взять, мне не верили, что у меня нет водки или вина и что я не веду знакомств с проститутками. Но это было так. Прошло много времени, пока я не проник во все тонкости работы таксиста».

Держась от проституции в стороне,⁸ Михаил тем не менее часто оказывался звеном в цепочке продажного секса или непосредственным свидетелем блата в сексуальных отношениях. Воспоминания детства о гостях матери из военной части или рассказ о том, каким образом мать добилась его досрочной демобилизации, — примеры этих явлений, которые мы встречаем в самом начале автобиографии. Как мы узнаем из дальнейшего повествования, после возвращения из армии и незадолго до встречи с первой женой он работал шофером в одном исследовательском институте. Как-то раз, после одного из рейсов за продуктами, в институтской столовой он столкнулся с директрисой этого учреждения. Они договорились встретиться после работы и в итоге провели вместе ночь. Вскоре после этого Михаила вызвали в ее кабинет.

ность была нормой, мог и не знать про их существование. По свидетельству нескольких ленинградоков того же поколения, но из образованного среднего класса и живущих ближе к центру, знание о публичных домах являлось общим, хотя и замалчиваемым.

⁸ Сегодня Иванов пишет, что не пользуется услугами проституток из-за нехватки денег, подразумевая, что в общем был бы не против. Я, однако, подозреваю, что этот комментарий является скорее выражением мужицкой риторики, чем глубоко прочувствованным возможным решением трудностей с нахождением сексуальной партнерши, испытываемых им сейчас. К тому же ближе к концу автобиографии Иванов подчеркивает, как важна для него нежность и эмоциональная близость с партнершей.

«И мне было однозначно сказано, что если я буду хоть иногда уделять В. П. внимание в сексуальном плане, то я займу приличное положение в обществе и на работе. Вместо ответа я обнял ее за плечи, прижимая ее к груди, и наши рты слились в едином страстном поцелуе».

Хотя Иванов не склонен морализировать по поводу собственных похождения до брака или последующих внебрачных связей, блатные сексуальные отношения порицаются им и описываются в негативном тоне. Это не касается его собственной сексуальной жизни: напротив, он открыто признает полученные в результате выгоды и, по всей видимости, не сожалеет о произошедшем. Скорее, его осуждение вызывают психологический дискомфорт и социальная стигма, возникающая как результат, — *«выходит, что я был проституттом».*

«Но ее это устраивало, и в какой-то мере и меня тоже — сыт всегда, не надо думать о хлебе насущном, и машину новую дали, зарплату повысили, да еще директриса оформила по совместительству в столовую. Вот так удачно секс повлиял на мою карьеру и жизнь. Но так долго, конечно же, продолжаться не могло: мне надо было устраивать свою жизнь. <...>

Работа меня устраивала, приходилось уделять ей внимание, но никаких перспектив — ведь не женюсь же я на ней, она старше меня намного, у нее дочка уже большая. Ну, пока она держит себя в форме, а дальше-то сколько это может продолжаться, ведь со старухой не больно-то приятно, но сексуально я продолжал ее удовлетворять, и она в долгу не оставалась, вот и выходит, что я был проституттом».

Отношения прекратились, когда директрису, пойманную на финансовых махинациях, уволили (*«на счастье мое и на несчастье ее»*). Михаил лишился возможности подрабатывать, однако у него появилось больше хорошо оплачиваемых заказов на дальние рейсы. Несколько позже ему предложила вступить в интимные отношения одна из сослуживиц. Когда же он попытался отказаться (*«как же без любви?»*), она дала понять, что *«если я хочу иметь хорошие рейсы и хорошую халтуру, то иногда должен буду уделять ей внимание. <...> Так второй раз секс повлиял на мою работу. Так продолжалось еще два года».*

Иванов описывает также одну неудавшуюся сделку по благу из жизни своей семьи. Предполагалось, что его родственница вступит в брак с недавно освободившимся из тюрьмы другом своего молодого человека и поможет ему с пропиской в Ленинграде. Как только они подали заявление, сам парень девушки потребовал, чтобы та отдалась «жениху». Таким образом, оба мужчины сознательно смешали общие отношения брата (выйти замуж за товарища друга, чтобы помочь ему) с сексуальным блатом (вступить с ним с сексуальными отношениями). Девушка отказалась. Тогда ее парень попросту оставил их одних в квартире, позволив «жениху» ее изнасиловать. В отместку девушка *«решила все по-своему: конечно, никуда она не пойдет»*, т. е. не заявила в милицию, *«но и ЗАГСа не будет»*. Такого хода ни один из мужчин, очевидно, не ожидал. Чтобы решиться на это, девушка заручилась поддержкой своего брата, который пригрозил тем двоим, чтобы они не вздумали мстить.

Как я уже подчеркивала ранее, мы не можем удостовериться в том, что все эти женщины, вступающие в отношения блата, на самом деле действовали таким образом, как это описывается в автобиографии. Однако не исключено, что эти эпизоды имели место в действительности. В первой ситуации, описанной Ивановым, женщина, занимающая более высокое социальное положение, требует сексуальных услуг в обмен на материальные блага. В нашем материале нет аналогичных случаев, хотя в некоторых женских автобиографиях и рассказывается о сексуальных отношениях блата. Отношения Иванова с директрисой — конкретный пример иерархических отношений блата, близких к проституции, но не идентичных ей. Такая расстановка сил в сексуальных отношениях встречается, несомненно, гораздо реже, чем противоположная, когда более высокое положение занимает мужчина. Это происходило хотя бы потому, что в Советском Союзе среди руководителей среднего и высшего звена было гораздо больше мужчин, чем женщин. Секретность и стигма, сопровождающие отношения блата в целом, а сексуального блата в особенности, достигали наивысшей точки в случае домогательства со стороны женщины. Как мужчина Иванов мог оправдать свои отношения, ссылаясь на такие ценимые маскулинные характеристики, как собственные таланты любовника и привлекательность женщин, желающих вступить с ним в связь. Советской женщине было бы гораздо труднее представить (зло)употребление властью и сексуальную инициативу как часть общепри-

нятой женственности.⁹ В то же время Иванов передает двойственные чувства и ощущение утраты контроля над собственной жизнью, вызванные продолжающимися отношениями брата.

Вторая история сексуальных отношений на рабочем месте и рассказ о неудавшемся фиктивном браке его родственницы являются примерами горизонтальных отношений брата между коллегами или друзьями. В обоих опытах сексуального брата на службе самой серьезной проблемой для Михаила было не получение выгоды, а отсутствие чувств между партнерами. Представитель поколения умолчания — один из тех, кто родился в довоенное время или сразу после войны, — типичен в своем восприятии секса без любви как нежелательного. После знакомства со второй женой он отказывается от всех отношений на стороне во имя любви и верности. И когда все-таки одна из коллег по работе пытается его соблазнить, он замечает, что *«уже не мог торговаться со своей совестью, я полюбил К. и не мог ей изменять, даже с теми, от кого зависел, теперь я не мог заниматься сексом без любви. Это проститутки, занимаясь сексом, получали вместо любви деньги и подарки»*. В 1996 году он пишет, что воспринимает как награду нечастые свидания с женщинами моложе его, потому что они дают ему *«чувство того, что еще кому-то нужен»* и доставляют *«неописываемое удовольствие и гордость»*.

Потребность Иванова в моральном оправдании прочитывается также в историях отказов от услуг проституток или других видов случайного секса. В дальних поездках он немного подрабатывал, подвозя голосующих на дороге. По его словам, женщины часто предлагали ему в качестве оплаты себя, но он отказывался, опасаясь венерических заболеваний. И вообще *«секс в дороге меня не очень прельщал»*.

В случае Иванова восходящая социальная мобильность связана с отрицанием «беспутной жизни» и созданием «нормальных» семейных отношений. Культурный разрыв между нищим рабочим классом и средним классом, между советскими общественными институтами и неудовлетворенностью в частной сфере вылился в чувства одиночества, амбивалентности и недостатка контроля над жизнью.

⁹ Мария Арбатова в автобиографическом рассказе «Мои учителя» (1997) описала вызов, который в 1970-х годах бросала обществу сексуально автономная москвичка.

Исследование Мэйнс (Maynes 1995), посвященное рабочим XIX века, выявило образ мужской самопрезентации, в котором сексуальная сдержанность приравнивалась к наличию самоконтроля и возрастающей социальной мобильности. Этой же логике следует и жизнеописание Иванова. В его автобиографии читатель может также обнаружить противоречия двух сосуществующих концепций советской мужественности: неотесанный мужик и благородный кавалер (см. главу 2). Эта дилемма кристаллизуется в понятиях о женской груди и грудном молоке, которые мы встречаем в рассказе Иванова.

«Мужик» или «рыцарь»?

В жизнеописании Иванова представлены два практически взаимоисключающих мужественных типа — уличный грубиян, или «мужик», и благородный «рыцарь».

«Мужик» — порождение той социальной среды, в которой вырос Михаил. В автобиографии эту категорию символизирует Леха, лучший друг детства автора. Иванов рос одиноким ребенком, страдаемым ревностью, — *«меня вообще никто не любил как мальчика»*. Эта тема повторяется в тексте несколько раз. В юношеские годы Леха стал для него тем, кто *«во всем мне помог»*. Идеализированный Михаилом, Леха первым рассказал ему, что нужно делать с девушками, и обучил основному сексуальному словарю. Кроме того, у Лехи был аналогичный опыт инцеста с матерью (и с сестрой), и в отличие от Михаила он рассказывал об этом безо всякого стыда. Этот персонаж представляет грубого, сексуального мужчину-самца, привыкшего командовать, мужика, говорящего: *«вообще никого не пропускаю, кого можно трахать»*.

Этот идеал мужественности также появляется в уже упомянутой истории об изнасиловании родственницы Михаила. *«Она была против этого, но М. все-таки мужик, он добавил: “Не разденешься сама, я тебя и так... тебе же будет хуже”. <...> Он ее замучил, и только с приходом В. он ее отпустил»*.

Второй, противоположный, идеал мужественности вырастает из представлений советского времени о романтическом уходе за женщиной и семейной жизни и рисует образ Ответственного Мужчины. Эти каноны были разработаны в 1930-х и 1940-х годах и представляли стиль жизни зарождающегося советского среднего класса (Dunham 1976). Суть этих представлений выражена в утверждении, высказанном Ивановым ближе к концу биографии: *«Сохранение*

семьи — одна из актуальных проблем современности». Довольно неожиданная в этом контексте декларация звучит как прямая цитата из лекции «эксперта» — психолога или педагога — либо как заголовок газетной статьи. Ранее, когда Михаил описывает свой разваливающийся первый брак, он приводит подобные аргументы, выступая против развода (*«но семью надо сохранить ради детей»*).

Интересно, что нигде в тексте Иванов открыто не осуждает идеал «мужика», хотя и рассказывает нам, как именно Леха разрушил его отношения с первой девушкой, принудив ее к оральному сексу. Наблюдавший все это Иванов пишет, что хотел повеситься. Уже в те годы Михаил стремился отдалиться от таких грубых нравов, и в тексте подчеркивается важность любви и взаимности в сексуальных отношениях. Это противоречие бросается в глаза, но не проговаривается и не комментируется Ивановым. Леха фигурирует в автобиографии в первую очередь как лучший друг.¹⁰ Сам же Михаил ведет себя как «мужик» только в редких случаях. Как мы видели, чаще всего он изображает себя как пассивного, беззащитного человека, являющегося объектом соблазнения. Однажды, на закате первого брака, на какой-то буйной вечеринке он увидел голую молодую женщину, и *«одна мысль сверлила меня: как бы ее трахнуть»*. Но даже в этом случае он оправдывает свое поведение фразой самой девушки, которая легитимировала его супружескую неверность словами: *«У вас все равно теперь нет нормальной семьи, каждый сам по себе»*. Вместе с тем, продолжая рассказ о все том же сабантуе, он отмечает: *«Но я ни в кого не влюбился, а так, без любви, у меня не было желания сблизиться ни с кем, у меня даже не было к ним влечения»*.

Подобное противоречие проявляется и в осуждении Ивановым порнографических журналов. Сначала он неодобрительно отзывается о чересчур свободных моральных установках своей первой жены. На появление дома импортных презервативов и западных порнографических журналов Михаил реагирует следующим образом: *«Убери, я не хочу смотреть на голых баб, а уж если и смотреть, так не на картинки»*. Однако в рассказе о более позднем периоде жизни

¹⁰ Вслед за Юрием Лотманом Здравомыслова и Тёмкина (2002: 444) подчеркивают важность мужской дружбы в традиционной российской маскулинности: «Мир “разгульного поведения” представлялся как автономная сфера личной свободы, мужского товарищества, вольнодумства» (см. также Вайль, Генис 1998: 70).

мы узнаем, что порнографические журналы есть в доме, и проблема только в том, как их спрятать от детей.

Представления Михаила о самом себе более приближены к идеалу ответственного мужчины-рыцаря, чем к образу грубого мужика. Этот идеал мужчины, воспроизводимый в культуре советского среднего класса, впервые появляется в его жизни в студенческие годы и позже во втором браке. В этой семье его жену смущали разговоры на сексуальные темы, и Михаил сам должен был отвечать на вопросы любознательного сына. Родители заботились о том, чтобы ребенок не стал случайным свидетелем их интимной жизни: не показывались перед ним обнаженными, осторожно занимались любовью, прятали эротическую литературу и журналы, Михаил объяснял ему, что только муж и жена могут мыть друг друга в ванне. Позже они случайно обнаружили у него эротические книжки — *«какой-то бульварный секс»* — и презервативы. Родители спросили его об этом, но не стали укорять и читать нотации. В сумме складывается представление о хорошо знакомом западному читателю толерантном подходе к юношеской сексуальности при минимальном контроле (хотя и с изрядной долей беспокойства) со стороны родителей.

«Мужик» и «рыцарь» различаются настолько, что напоминают классическую женскую дихотомию между блудницей и мадонной. Тем не менее в одном эти противоположные мужские идеалы схожи: в обоих случаях предполагается, что мужчина контролирует ситуацию. В этом жизнеописании «мужик» и «рыцарь» по-разному реагируют на угрозу женской безнравственности и материальной бедности. Идеал «рыцаря» — одобряемый обществом «приличный» человек, положительный герой, во многом похожий на владеющего собой мужчину из автобиографий рабочих в исследовании Мэйнс (Maynes 1995). «Мужика» же характеризует немедленная и жесткая ответная реакция человека, который не растет социально, а удерживает контроль над ситуацией силой. Есть еще одно серьезное различие между молодым Михаилом и его другом Лехой — последнего не только не смущает инцест, он даже похвально этим.

Как мы видим, отношение Михаила к себе самому остается неоднозначным. В тексте рассказывается, как в юности он иногда с нежностью и страстью сосал материнскую грудь. Когда же его жена предложила ему свое грудное молоко (она почти два года кормила грудью их ребенка), поскольку это полезно для здоровья и укрепляет потенцию, он ответил резким отказом: *«Я не идиот, чтобы пить женское молоко, этого мне еще только и не хватало»*. И снова эти

противоречия прямо не обсуждаются Ивановым. Ближе к концу повествования он описывает ссору с женой: она недовольна тем, что он разглядывает молодых девушек на улице; он же в ответ укоряет ее за нежелание заниматься любовью и замечает (снова с очевидной отсылкой к популярной педагогической литературе), что «*сексуальные отношения формируются в семье, кто как растет, воспитывается, что и как видит человек в своей семье, в своей среде*». Она парирует, что действительно, глядя на его поведение, каждому понятно, в какой среде он вырос, и рассказывает, что ей стало известно о его предыдущих сексуальных отношениях, включая его связи с матерью и тещей.

За этим открытием следует кредо автобиографии Иванова, в котором суммируются его чувства боли и собственного бессилия:

«Говоря это, она не понимала, что я рос в такой среде, среди женщин, девчонок, которые, не стесняясь меня, были голые, мылись со мной, вернее я с ними, в бане, что я спал с матерью, которая была молодая и не чуралась мужчин. Я не был виновен, что она положила меня на себя, делая меня мужчиной, и потом, моя мать не могла и не хотела отказать себе в половом удовольствии, и она не обращала внимания, кто был рядом с ней в тот момент, и говорю [жене]: «Будь довольна тем, что у тебя была мать, бабка для дочки, и она с детства привыкла спать в своей кровати. Еще не известно, как бы получилось, если бы [дочь] спала с тобой, куда бы ее потянуло, может быть, и она стала бы лесбиянкой и ее бы влекло к себе подобным. И про ту тещу, ты же знаешь... как она меня женила, и дальнейшее ты хорошо знаешь. Так что не надо меня упрекать теперь. И потом, в дальнейшем вся моя жизнь пошла в какой-то сексуальной зависимости, и при том всем я редко домогался женщин, женщины домогались меня, и что если это им удавалось?»

Здесь, защищая свою позицию, Иванов смешивает оба мужских идеала. Сексуальность, представленная в поведении «мужика», — это необузданная, грубая, потенциально разрушительная и аморальная сила. Но тут появляется «окультуренный» «рыцарь», демонстрируя, как хорошее образование и воспитание могут цивилизовать эту грубую силу и предотвратить развитие «извращений», таких как инцест и гомосексуализм. При таком объяснении оказывается, что в том, что происходило в жизни Михаила, нет его собственной вины: все было неизбежно. В этом фрагменте автобиографии натурализация секса происходит на двух уровнях: сначала

оправдывается мужицкая модель сексуального поведения, а затем выдвигается аргумент, что образование не в состоянии регулировать это поведение. Такой тип оправдания лишь частично объясняет сексуальное поведение женщин, фигурирующих в рассказе Михаила. Оправдывая мужчину, Михаил в большинстве случаев осуждает женщин со свободными нравами. Вдобавок именно женщинам вину необеспечение регулирующих практик (пример этому здесь — необходимость отдельной кровати для ребенка) как цивилизующего фактора для обоих полов.

Культура шпаны городских окраин

В подвале

Алексей Лукашин (№ 41) — сначала студент-медик и рок-музыкант, впоследствии тренер, затем массажист и, наконец, предприниматель, работающий в области индустрии развлечений, — родился в 1960 году и был вторым сыном в семье. Как и Иванов, он вырос в бедной семье и воспитывался матерью-одиночкой. Мальчик проводил много времени со своим братом. Мы узнаем, что еще в начальных классах учителя махнули на него рукой: единственным человеком, обращавшим внимание на его школьные успехи, был учитель физкультуры. Правда, нам рассказывается, как именно этот учитель с налившимися кровью глазами и баскетбольным мячом наизготовку однажды гонялся за Алексеем вокруг школы после его очередной хулиганской выходки. Эта история свидетельствует об определенном социальном окружении, поскольку советские школы 1970-х вообще отличались суровой дисциплиной по сравнению с западными североевропейскими школами того времени.

В детстве Алексей и его друзья немного занимались спортом (*«самое светлое, что и сейчас иногда снится, — это хоккей»*), но в основном просто шатались вместе. В этой автобиографии идеал мужественности не вызывает сомнений: здесь много кулачных боев, поножовщины, а по случаю даже драк с огнестрельным оружием. Герои повествования веселятся, пьют и развлекаются с девушками. *«Брат во всей округе был в почете. Дрался очень хорошо. Я старался не отставать от него. <...> Когда возникала необходимость, участвовал в баталиях, когда можно было, гулял вместе с ними в компании с девчонками»*. Эти девушки, которых далее

автор называет «красавицами», фигурируют исключительно в качестве сексуальных объектов, циркулирующих в мужских кругах. Перед нами предстает мир «мужиков», в котором слово «любовь» употребляется только в кавычках, а рыцарский дискурс присутствует для того, чтобы высмеять или противопоставить ему действительно мужское поведение.

Текст автобиографии в провокативной шокирующей манере начинается с описания «свидания», которое многие назвали бы групповым изнасилованием:

«Это было давно. Лет 20 с лишним назад. Мне было около 15 лет. Я был смышленным, шустрым мальым. Физически крепким, не по годам. Дружил с одноклассником, но также и с ребятами старше себя года на 3–5.

Первая близкая встреча с женщиной произошла в подвале. Мой старший брат привел какую-то девчонку. Вместе с его друзьями напились и потом все ее трахали. Наверное, десятая очередь дошла до меня. Я очень сильно волновался, переживал все, стоя в очереди. Старшие друзья меня успокаивали, подбадривали. Тебе, говорят, и делать ничего не надо будет. Штаны сними и все... Когда я зашел, она лежала на полу, курила сигарету. Я, чтоб скрыть свой мандраж, повел себя нагло (как большой), без лишних слов снял штаны. Четко следовал инструкции. Лег на нее. Физически почувствовал ее тело, вихляние, какой-то для меня незнакомый запах. Ощущение близости всего этого подняло мое беспокойство на качественно новый уровень. У меня затряслись ноги. Но я, как бульдозер, ничего не замечая вокруг, действовал. <...> Вяпался. Было очень там сыро. <...> После этого быстро на выход и домой. Дома помылся, лег в постель. Меня всего трясло от восторга. Пролежал я недолго. Вскочил, оделся и в подвал, но там, увы, уже никого не было».

Это первый эпизод в сексуальных мемуарах Лукашина. Ни одна из сотен других сексуальных встреч не описывается настолько подробно. В воспоминаниях о первом половом акте присутствует множество описаний чувств и тактильных ощущений — запахи, неуверенность, дрожь, восторг. Далее Лукашин ограничивается перечислением фактов: появление партнерш (часто дает им оценки), какие позиции использовались при половом акте и его общие впечатления от сексуальной победы. Тем не менее стиль описания сцены в подвале во многих отношениях типичен для всего текста. С одной стороны, автор действительно прилагает значитель-

ные усилия, чтобы вспомнить детали, но, с другой стороны, принимает шуточный, анекдотичный тон, который часто служит для преуменьшения значимости событий и дистанцирования читателя от происходящего. В постскриптуме к автобиографии автор шутливо предлагает «*подробную информацию и дополнительные консультации за дополнительную оплату*». Частые упоминания смеха (с ребятами или при первом флирте с девушкой) — одна из самых приятных личностных черт автора. С другой стороны, Лукашин совершенно очевидно полагает, что читатель ждет от него историю сексуальных эскапад, выполненную в жанре «письма к читателю» в порнографических журналах. Похоже, что автор проигнорировал указания к написанию автобиографии, представленные в объявлении о конкурсе (начать с самого раннего детства, писать о любви и половой жизни, писать как бы обращаясь к лучшему другу, высказать свое мнение по поводу различных феноменов, таких как, например, гомосексуальность и проституция и т. д.; см. Приложение). Лукашин с явным удовольствием вспоминает некоторые наиболее успешные или необычные приключения, но опускает другие: «*Многое я упустил сознательно, а многого, думаю, просто не помню*». Некоторые темы, как, например, отношения в семье или религиозные взгляды, не рассматриваются как неуместные в данном контексте, «*это другая история*». Ближе к концу автор пишет, что уже устал писать и пора заканчивать, потому что скоро вернется его подруга, а он не хочет, чтобы она прочла то, что он написал.

В тексте ничего не говорится о том, что девушка в подвале как-то сопротивлялась групповому сексу. Вместе с тем трудно представить, чтобы молодая девушка могла бы по доброй воле участвовать в подобной сцене. Возможно, здесь не обошлось без угроз, как, например, в эпизоде рассказа Иванова, где девушку заставили согласиться, пригрозив, что в противном случае ей будет гораздо хуже (см. выше). Во всяком случае, по какой-то причине девушка в подвале была в таком состоянии, когда безопасность уже не волнует.

Рассказ о первом сексуальном опыте Лукашина представляет впечатляющий пример моральной серой зоны и амбивалентности по отношению к сексуальным нормам, которые, как я уже упоминала выше, достигли наибольшего расцвета в период позднего социализма. Согласно данным официальной статистики, сексуальное насилие часто совершалось именно молодыми мужчинами, а случаи группового изнасилования молодыми людьми в советской

и постсоветской России зафиксированы чаще, чем в других странах: в начале 1990-х каждое второе зарегистрированное изнасилование было групповым (Кон 1995: 212). Кроме того, случаи, о которых заявляли в милицию, несомненно, недвусмысленно расценивались участниками происходящего как проявления насилия. Наверняка было еще много случаев, подобных инициации Лукашина, в которых ни обидчики, ни сама жертва не имели четкого представления о том, как называть, как реагировать или в каких терминах впоследствии интерпретировать происшедшее. Версия Лукашина представляет собой оборотную сторону того, что автобиографы-женщины описывают как свою глупость, роковую наивность, чувство паралича или боязнь закричать и попросить о помощи.

Такие практики порождают интенсивные и противоречивые чувства, для которых, очевидно, не находится адекватных и устойчивых рамок интерпретаций. Это становится ясно из рассказа Лукашина о том, как позже он встретил девушку из подвала и она узнала его. Его первой реакцией было чувство вины:

«Вот так произошла первая близкая встреча с женщиной. Кстати, она меня запомнила (хотя в подвале было темно). Мы встретились как-то месяца через два вечером на улице. Я ее не узнал, просто две девушки спросили закурить, разговорились. Одна потом ретировалась, а вторая предложила покурить в другом месте — им оказался чердак, и даже благоустроенный, там был диван. Сели, закурили, и вот тут-то она мне напомнила историю, которая была в подвале. Я, конечно, сначала в отказ, но она меня успокоила, что никаких претензий не имеет, сама виновата и т. п., ну, а я ей понравился. Я присмотрелся, она лет на десять старше была».

В этот раз они занимались сексом дольше и разнообразнее. Но в ретроспективе этот второй сексуальный опыт Лукашин — в шутку, но тем не менее — называет изнасилованием... себя!

«После того как я был изнасилован (это я сейчас понимаю) подружкой брата на чердаке, жизнь моя приобрела другие краски. Я как-то резко изменился. В голове моей проснулось что-то такое, что сводило с ума».

Вскоре Алексей пригласил одну девушку домой, и силой, до боли выламывая ей пальцы, заставил ее раздеться перед ним. Девушка согласилась, но с условием, что полового сношения не будет. После этого они часто встречались и занимались петтингом,

по всей видимости, безо всякого принуждения с его стороны (во всяком случае, в автобиографии нет упоминания об этом). Когда Алексей стал настаивать на половом акте, девушка пообещала привести ему для этого подружку. Действительно, через некоторое время в кругу друзей появилась новая девушка. *«Не знаю, что она ей наговорила, но я с новенькой довольно легко исчез из компании на стройку в строительную будку. Там не помню, о чем говорил, но она спокойно дала себя раздеть и мне лечь на себя»*. Обнаружив, что девушка девственница, Алексей занервничал, поскольку не знал, как справиться одному, без помощи партнерши. К тому же на улице у вагончика уже стояла очередь из других желающих. *«Все кончилось тем, что мы оделись, и я ее проводил до дома, что со мной крайне редко бывало и бывает. Друзья, конечно, остались недовольны»*.

Очевидно, что Алексей спас эту девушку от такого же группового изнасилования, как тогда в подвале. Описывая свое благородное поведение, он использует риторику «выпячивания собственных недостатков», подчеркивая, что практически никогда не следовал золотому правилу № 1 советского романтического ухаживания, требующему, чтобы мужчина провожал женщину до дома (см. главу 2). Также он рассказывает о циничном завершении этих отношений. Они встретились с той девушкой снова и в этот раз имели половое сношение, после чего ее друг решил выяснить отношения и Лукашин избил его. После этого они занимались сексом *«еще пару раз, и она пошла по рукам»*.

Описания женщин, видов секса и мест сексуальных встреч в течение следующих пятнадцати лет продолжают до последней страницы повествования, где Лукашин несколько неожиданно признается, что в действительности устал от всего этого: *«Секс для меня давно уже потерял свою актуальность»*. В тридцать пять лет он не имеет ни семьи, ни определенного профессионального статуса. На момент написания биографии он жил с женщиной, мечтая тем не менее найти совершенную, *«гармоничную женщину»*, работал предпринимателем, одновременно заканчивал учебу и надеялся, что в его жизни *«лучшее еще впереди»*. Вероятно, эта жизненная фаза личной и профессиональной неопределенности создала необходимость или, по крайней мере, стремление к саморефлексии, побуждая Лукашина написать автобиографию.

Хотя социальный статус Лукашина нельзя назвать определившимся, его социальная траектория представляет модель, отличную

от образца предыдущего поколения. Это становится очевидным в отношениях между сексуальными ограничениями и сексуальным успехом, а также в его отношении к женщинам.

Попытки социального восхождения

Первоначально жизненный путь Алексея Лукашина следует той же логике, что и путь Михаила Иванова: наводя порядок в своей жизни и начав учиться, молодой человек стремится вырваться из социальной среды своего детства. В конце 1970-х годов Алексей отслужил два года в армии, где старался все свободное время *«максимально использовать в плане развития своих интеллектуальных и физических качеств. Это дало свой результат. После службы, когда я приехал, все находили меня совершенно другим. Я не пил, не курил, говорил о жизненно важных целях»*.

Однако драматичное разделение и противопоставление сфер жизни в случае Иванова (домашняя среда *vs.* студенческая среда, беспутная семейная жизнь *vs.* ответственное поведение на работе) не имеют параллелей со случаем Лукашина. Так, например, несмотря на то что, по свидетельству Алексея, служба в армии способствовала росту его интеллектуальных амбиций, он отмечает, что *«в армии мои каменные мышцы начали сохнуть, в душе появились равнодушие и апатия»*. В его рассказе общественная жизнь и советские институты не представлены в роли стабилизирующих и спасительных структур, приносящих избавление от отвергаемой домашней жизни (как это было, например, в истории Александры Чистяковой, подробно рассмотренной в главе 3).

Если Иванов вернулся к прежнему беспорядочному стилю жизни и утрате самоконтроля в первом браке, то Лукашин отказался от своих планов на высшее образование, чтобы поработать несколько лет с гастролирующей рок-группой. У Алексея с женщинами было меньше проблем, чем с пьянством, но общая логика — женщины и алкоголь против социального роста и контроля над собственной жизнью — доминирует в начале жизнеописания. Интересная работа представляется средством для того, чтобы избежать принятого им стиля приватной жизни:

«В то время, чтобы как-то отвлечься от женщин, я активно искал себе поинтересней работу. Хороший знакомый администратор от эстрады предложил позвонить в организацию одного областного

центра от него. Я это сделал и получил предложение на роль оператора по свету в рок-группу, в то время более-менее известную. Суть не в этом, а в том, что она карусила по Союзу регулярно».

Жизнь на колесах оказалась еще более насыщенной разнообразными сексуальными приключениями, и Алексей снова начал пить и курить, обвиняя в этом старшего брата, встреча с которым произошла в одном сибирском городе, — ясно, что это радостное событие было немислимо без обильных алкогольных возлияний. Кроме того, у него было столько романов, что в группе его прозвали «специалистом по бабам», и он «с девушками серьезно помогал всем остальным». Но дорожная жизнь была изнуряющей. «Часть здоровья я оставил на гастролях, и поэтому была серьезная необходимость в восстановлении прежних сил. Пить, курить бросил, начал ходить в атлетический зал». Через пару лет он оставил рок-группу и начал учиться. Сбалансированный и здоровый образ жизни не мешал Алексею параллельно иметь несколько сексуальных связей и заниматься фарцовкой. Когда одна из его подружек забеременела, он женился на ней. По всей видимости, девушка относилась к его поведению, включая его измены во время свадебных празднований, с олимпийским спокойствием.

Но вскоре времена начали меняться. Лукашин не упоминает о политических и социальных факторах, но вряд ли было простым совпадением то, что он закончил учиться как раз в разгар перестройки, в конце 1980-х годов. Он бросил медицинский институт и отказался от карьеры в сфере феминизированной профессии, низко оплачиваемой в советское время и одной из самых недоходных в 1990-х годах. Вместо этого он приобрел менее требовательную квалификацию массажиста. На его первом рабочем месте в этом качестве все закрутилось снова. «И поехало, сначала в кабине. Потом у них дома, на работе. Приходилось трахаться и в исполкоме, и в ЗАГСе перед чьим-то бракосочетанием и так далее». В это же время он развелся с первой женой, которая, по его мнению, была слишком «вялой». Следуя классической советской схеме кратких первых браков, ребенок при разводе автоматически остался с матерью, им же оставалась квартира, а вновь холостой мужчина переехал в комнату в коммунальной квартире.

Алексей предпринял еще одну попытку встать на ноги. По знакомству он получил временную работу спортивного тренера. Он пишет о том, что «не пил, не курил и был в хорошей форме. <...>

Где-то полгода я приходил морально в себя. Ни секса, ни каких-либо дел не было. Весь в работе». Правда, далее говорится, как «наиболее интересные девушки-туристки получали полный комплекс удовлетворения» и что отказ получали только местные, хотя те тоже старались его соблазнить.

Той же зимой он пролистал свою записную книжку и позвонил знакомому, который устроил его массажистом в новую частную сауну.

В этом месте жизнеописания старая логика самоинтерпретации автора рушится. Он более не приравнивает социальное восхождение усвоению и следованию моральным нормам среднего класса. Правда, Лукашин подчеркивает, что хорошо делал свою работу и получал клиентов от своих уже устроившихся в жизни коллег. Но он также отмечает, что *«это был психологически сложный переход из образа тренера в образ чуть ли не банщика. Но надо было жить и как-то себя обеспечивать. Помощи ждать было неоткуда»*. Скоро у него появилось много клиентов, и его работа предполагала интенсивные и многочисленные сексуальные отношения: *«трахаться мне приходилось иной раз несколько раз в день. Естественно, с разными девушками. Все завертелось, закружилось... я начал выпивать, курить. Эта вакханалия продолжалась около трех лет. Вообще я старался как-то регулировать этот процесс»*.

Ясно, что ему не удалось достичь успеха в «регулировании процесса». Природа сексуальных отношений в сауне неясна — Лукашин говорит, что большинство его клиенток были проститутками, хотя его услугами пользовались также несколько богатых замужних женщин, однако кто кому платил и какого рода обмен любезностями или услугами имел место, остается неясным. Ничего не рассказывает автор и об отношениях с клиентами мужского пола, хотя и намекает на предложения, поступавшие с их стороны: *«И боже вас упаси подумать, что я удовлетворял всех тех, кто раздвигал ноги. Нет. И еще раз нет. Еще и по этой причине вокруг меня было целое облако всякой всячины: голубой, розовый и т. д.»*

В этот период профессиональная и личная жизнь Алексея полностью переплелись. Работа в одной из новых коммерческих структур постсоциалистической России не только не помогала ему избежать поведения, воспринимаемого им самим как проблематичное, а эксплуатировала и поощряла его. Стремление повысить уровень благосостояния — смена работы тренера в государственной структуре на менее квалифицированную, но гораздо выше оплачиваемую работу

массажиста в частном секторе — привело к тому, что его профессиональная и сексуальная жизни оказались связаны между собой еще прочнее, чем раньше. Гастролируя с рок-группой или работая тренером, он тоже вступал в многочисленные сексуальные связи, но все это происходило по его собственному выбору и как дополнение, необязательное приложение к работе. Возможно, циничная эксплуатация его тела работодателями и клиентурой частично объясняет отчетливо выраженное циничное отношение Алексея к женщинам.

Женоненавистничество и мужская солидарность

Лукашин представляет себя как мужчину, которого ничего не волнует: его единственная цель — *«трахать женщин»*. Есть лишь пара высказываний-исключений, где он, например, замечает, что *«кстати, тоже испытывал к ней серьезно большое чувство»*. Или что он был разочарован, когда после одного свидания *«удовлетворена была только похоть, а что так, по-человечески, с расстановкой и размахом, — не получилось»*. Приведу примеры самых безобидных комментариев Алексея по поводу его сексуальных приключений. Он замечает: *«Я отношусь к тем людям, которые считают, что лучший момент в общении с женщиной — это закрывание после ее ухода двери»*. В другом месте автор сообщает: *«Случка прошла с оценкой удовлетворительно. В принципе мне — пар был спущен, а ее мнение не интересовало»*. Сам по себе такой явный цинизм может объясняться его холостяцким стилем жизни и сопротивлением стабильным любовным отношениям в сочетании с мечтой найти совершенную женщину.

Однако в тексте есть также несколько описаний, которые указывают на более глубокую ненависть Лукашина к женщинам. Как мы уже рассмотрели выше, сексуальное насилие практикуется автором безо всяких сожалений и угрызений совести. Нерешительность или активное сопротивление женщины при занятии сексом всегда оцениваются с очевидным презрением. Например, рассказывается, как однажды Алексей с другом познакомились на рок-концерте с женщиной, напоили ее и оба имели с ней половое сношение. То, что это произошло не по ее воле, становится ясно из заключительного предложения: *«Утром мы с ней расстались не то чтобы друзьями, но и не врагами»*. В другой раз они с другом познакомились с женщиной в баре гостиницы и пригласили ее к себе в комнату. Когда она собралась *«как бы на выход»*, Алексей попросил ее остаться:

«Начался какой-то бред с ее стороны по поводу того, что она честная девушка и так далее. Я-то понимал, что просто мало выпито, и, конечно, не скупился на выпивку. Морально я уже устал, но похоть-злодейка лезла наружу. Наконец она стала меньше говорить и больше отвечать на мои ласки. <...> С девушки как ветром сдуло всю начитанность, воспитанность, манеры, которые изначально исходили от нее как от образца воспитания».

Лукашин пишет, что женщине настолько понравилась ночь, проведенная с двумя друзьями, что на следующий вечер она привела с собой подругу и они занимались сексом вчетвером. Но, несмотря на чувства женщины, Алексей с глубоким презрением говорит о том, как они договаривались,¹¹ о ее образовании и хороших манерах. Сексуальность, а в особенности дикий и смелый секс (как, например, групповой секс с незнакомыми людьми) — естественный порыв, проявляющийся у представителей обоих полов под воздействием алкоголя. Сопротивление образованных женщин сексу есть не что иное, как искусственное и лицемерное поведение. Конечно, эта логика знакома многим по порнографическим и эротическим текстам, в частности по книгам Генри Миллера. Она представляет натурализованный взгляд на сексуальность — сексуальность «естественна», «внутренне присуща», «животный инстинкт» (см. главу 10). Такая интерпретация сексуальности призвана «поставить на место» и унижить прежде всего тех женщин, которые, обладая образованием и амбициями, способны социально конкурировать с мужчинами.

Женоненавистничество Лукашина сосуществует с сильными гомосоциальными связями. Мужская компания для него выступает в качестве главной референтной группы. Во фрагменте о «лучших моментах общения с женщиной», приведенном выше, он совсем не случайно использует оборот «я отношусь к тем людям», очевидно, понимая под словом «люди» исключительно «мужчин». Лукашин часто отмечает, что благодаря его физической силе, храбрости и успеху у женщин многие мужчины относились к нему с уважением и страхом. В годы его юности в той среде, к которой он

¹¹ То, что, по мнению мужчин, может быть рассмотрено как фальшивая невинность и нечестное кокетство, можно также представить как женский способ переговоров и флирта, не менее аутентичный, чем предполагаемая мужская правота. Эта позиция очень хорошо аргументирована в анализе Торил Мой (Moi 1994).

принадлежал, брутальность и готовность к дракам являлись образцом мужественности (Zdravomyslova, Chikadze 2000). Кроме того, мужское общение сопровождалось распиванием спиртных напитков в больших дозах. Лукашин описывает забавный случай мужского братства, когда он утешал своего начальника, заставшего его в постели с женщиной, за которой тот ухаживал:

«Начальник начал кричать, махать руками, брызгать слюной о том, какие мы негодяи. Он, порядочный, интеллигентный человек, с ней, оказывается, ужинает в ресторане, провожает до номера, только что сказку не читает перед сном... а она, ну и так далее. Я стоял спокойно, молча созерцал все это. Драться с ним было просто неинтересно, ну а выговориться надо было дать человеку. Как только он замолчал, я предложил ему выпить, а он вообще не пьет. Но тут он согласился. Выпили. Наш разговор начал меняться в сторону его сложной жизни. Короче, после этой ночи я стал для него чуть ли не родным братом».

Надо отметить, что рассказчик с жалостью и насмешкой относится к тем друзьям своей молодости, которые из-за женщин реза-ли себе вены, пытались спрыгнуть с крыши или просто страдали от несчастной любви.

Итак, в автобиографии Лукашин говорит о себе как о прямолинейном человеке. Область чувственного в автобиографии чаще всего представлена описаниями похотливых желаний, рассказами о физической силе и веселье в мужской компании. Из социальных практик описывается насильственный секс, сексуальная распущенность и пьянство. В образе Лукашина максимально реализовался идеал мачо, модель мужика-Дон Жуана. Только в нескольких случаях чувства, социальные практики и их интерпретации вступают друг с другом в конфликт. Автор представляет себя физически развитым, активным человеком, который всегда получал удовольствие от секса и более или менее успешно справлялся с пьянством. В немногочисленных рефлексивных отступлениях он выступает защитником натурализованного взгляда на сексуальность, понимая секс как внутреннюю сущностную потребность, лицемерно отрицаемую только образованными или «чересчур различными» женщинами.

Эта агрессивная, натурализованная сексуальная идеология, по всей видимости, также компенсирует нестабильность в профессиональной и личной жизни и неудавшиеся попытки социального

восхождения. В самом конце жизнеописания нам приоткрываются более серьезные намерения автора:

«На мир смотрю нешироко открытыми глазами, но думаю, что лучшее еще впереди. Секс для меня давно уже потерял свою актуальность, то есть трахнуть кого-нибудь не проблема. Проблема в другом. Встретить гармонично сложенную женщину (физически, психически, интеллектуально) очень сложно. Встретив, удержать еще сложнее. Как правило, чрезмерно повышены самооценка, потребности и так далее. Следовательно, стоит ли сходить с ума, забивать себе голову? По-моему, надо положиться на волю Всевышнего, и если что-то должно произойти, оно произойдет, и наоборот. Вообще, это тема другого труда».

Здесь Лукашин снова напоминает, что он сознательно следовал жанру эротических мемуаров, скрывая, к примеру, свои религиозные или более серьезные социальные взгляды. Он признается, что очень хотел бы иметь стабильные отношения, хотя его ожидания выглядят довольно высокими, совершенная женщина в его понимании не должна иметь чувства собственного достоинства или особых «запросов».

Интересно также и то, что, обсуждая в заключении дальнейшее развитие своей жизни, Лукашин, так же как и Иванов в своей автобиографии, снимает с себя всякую ответственность за возможное развитие событий и отказывается от активной роли. Если Иванов, характеризуя свое поколение, отмечает особенности воспитания и доминирующие педагогические идеи, то Лукашин, описывая советские 1970-е и 1980-е годы, обращается к полурелигиозному фаталистическому аргументу: *«если что-то должно произойти, оно произойдет».*

От «окультуривания» — к размытой мобильности

Бывший советский врач Михаил Штерн охарактеризовал сексуальные нравы низших социальных групп таким образом: «Хотя в Советском Союзе секс может быть табуированной темой для “респектабельных” людей, люди, живущие на окраинах общества и думающие о себе как о “глубоких низах”, говорят о сексе очень открыто и естественно» (Stern 1979: 199). Так называемое распущенное

поведение низшего рабочего класса является господствующим социальным стереотипом как в России, так и везде в Европе. Но, как отмечает Мэри Джо Мэйнс (Mauney 1995), даже если рабочие и могут иметь менее строгие нормы по отношению к некоторым типам сексуального поведения (например, девственности), это не означает, что их культуры являются более естественными, не имеющими своих особенных кодов стыда и уважения.

Выступая против упрощения сексуальности рабочего класса, Мэйнс аргументирует, что «связи между сексом и социальной идентичностью в рабочем сообществе в целом не были аналогичны связям представителей высших классов, но, однако, являлись столь же проблематичными» (Mauney 1995: 131; см. также Steedman 1991).

В этой главе мы рассмотрели только мужские примеры сексуальных связей в бедных рабочих культурах. В тех немногих текстах советских женщин-рабочих, которыми я располагаю, акценты составлены совершенно иначе. Ни один из мужчин-представителей рабочего класса не смог сделать такое примиряющее с жизнью заявление, которое мы встречаем в автобиографии Риты (№ 2, цитируется в главе 2): *«Там тоже была жизнь, хоть и очень мрачная, на нормальную не похожая. Но любовь — она везде любовь, как это дико ни покажется»*. Для Иванова любовь не была одинаковой везде, а для Лукашина она и вовсе не существовала. В наших двух случаях мужчин из маргинальных сред связи между сексуальной и социальной идентичностями кажутся особенно проблематичными: мужчины испытывают более драматическое расхождение между локальными и господствующими идеями о сексуальности и семейной жизни и им труднее их примирить.

Иванов рисует жизненную картину классового перехода от бедного, маргинализованного рабочего к хорошо устроенному представителю высшего рабочего класса. Так же как в автобиографиях рабочих, написанных веком раньше, мужской самоконтроль рассматривается здесь как необходимая составляющая повышения социального положения (Mauney 1995: 135). Хотя Иванов изображает мир аморальный, этот мир все-таки оказал глубокое влияние на его моральные установки. Сквозь весь текст Иванов подспудно проводит параллели между моралью среднего класса и социальным восхождением. Он сознательно следовал пути *окультуривания*, начав свой жизненный путь с ситуации, которую скорее можно назвать *акультурной*, чем *некультурной*, далее в жизни принимая более строгие социальные нормы.

Лукашин, в противоположность Иванову, должен был уйти от своей первоначальной (хотя и нечетко осознаваемой) мечты стать врачом. Так же как Иванов, Лукашин описывает сексуальные отношения блатя: например, как одна из его любовниц, работающая администратором в гостинице, всегда обеспечивала его номерами люкс. Такие аферы, возможно, повышали его статус в трудовом коллективе, но не были нормативными. Однако в частной сауне связи Алексея вышли на передний план, а сексуальная беспорядочность оказалась основной чертой всего окружения. Он также упоминает, как какое-то время работал в спортивно-оздоровительном комплексе, где администрация решила устроить «коммерческое отделение». Алексей помогал им с организацией новой сауны, он описывает богатых клиентов — представителей криминальных структур, игра на бильярде с проститутками и т. д. В сауне сексуальный компонент переместился от случайных свиданий двух людей в укромном месте к демонстрации секса перед всей клиентурой в центральной комнате.

Эволюция от блатных отношений Иванова к полуоткрытой проституции Лукашина отражает общую экономическую и структурную динамику. Традиционный российский и советский способ социального восхождения через образование перестал работать. Параллельно с этим поведение, расцениваемое как полуофициальное, стало частью профессиональной жизни. Эти общественные тенденции влияли и на мужчин, и на женщин, но не были гендерно симметричными. Российские женщины намного чаще оказываются объектами такого переплетения секса и работы. Намеренное женоненавистничество Лукашина также представляет собой хороший пример установок, пришедших в общественную сферу вместе с поколением 1970-х годов.

Среди взглядов на сексуальность в постсоциалистической России доминирующую позицию занимает натурализация секса. При общении с женщинами Алексей также использует это в качестве аргумента: *«Из меня зажурчало что-то о возвышенном и прекрасном, о пользе секса для здоровья человека, о прекрасной музыке, которая играла, и что ее лучше воспринимать лежа, расслабившись, с закрытыми глазами и т. д.»*. В этом разговоре, нацеленном на соблазнение, остается некоторая риторика романтизма («возвышенное и прекрасное»). Но здесь эта риторика используется для стратегических целей и выступает в паре с полностью противоположным взглядом о *«здоровом сексе»*. Это ярко контрастирует

с отношением Иванова и представителей его поколения, искренне стремящихся к возвышенному и прекрасному и воспринимающих это в болезненном противоречии с похотью и сексуальностью. Иванов подчеркивает роль образования в запрещении сексуальных излишеств и извращений, в то время как Лукашин понимает секс как менее проблематичную, здоровую деятельность. Лукашин следует логике, называемой Фрейдом «гидравлической моделью» мужской сексуальности, которая рассматривает сексуальность как естественную и неконтролируемую силу в жизни мужчины (Weeks 1985). Но в обоих случаях натурализация секса служит для усиления чувства контроля мужчины над женщиной и над его собственной жизнью, в то же время снимая вопрос об их личной ответственности за предыдущий опыт.

В заключении жизненная история Иванова развивается в сторону от акультурного окружения к устойчивой жизни советского среднего класса, в то время как биография Лукашина горизонтальна: его социальный статус остается неопределенным, а его чрезмерная сексуальная активность смещается в центр профессиональной жизни.

Почти идентичная жизнеописанию Лукашина сексуальная история была проанализирована Татьяной Бараулиной. Как она пишет, бесконечная сексуальная беспорядочность является одной из парадигматических форм мужественности позднего советского и постсоветского общества: «Когда (респондент) продолжает искать причины для своей полигамии, у него не хватает объяснений. <...> *“Я не знаю, почему я делаю это, не могу объяснить, я хочу сказать... Я не знаю, почему ты, скажем, куришь — ну, это так... И ну...”* <...> Опыт отношений на одну ночь является основой, на которой строится идентичность рассказчика. Это то, что он не может объяснить, это “как курить”, это то, что он делает, потому что он — Мужчина» (Бараулина 1997: 41–42).

В следующей главе мы завершим дискуссию об отношениях между сексуальными поколениями, средами и субкультурами.